

К истории первого издания «Народних оповідань» Марко Вовчок

Вопрос истории подготовки первого издания «Народних оповідань» (далее — «Народные рассказы») (1857) Марко Вовчок впервые затронул Василий Доманицкий. В своей статье «Авторство Марка Вовчка» (1908) исследователь дает подробное описание найденной им рукописи. Отсюда мы узнаем, что последовательность рассказов в рукописи была иной, нежели в издании, что под большинством из них стоят даты переписки, что заглавия рассказам дал редактор, а также то, что один рассказ вообще не был включен в издание. Скорее всего, как предполагает исследователь, их порядок соответствует очередности отправки рассказов будущему редактору и издателю Пантелеймону Кулишу. Датировки восьми рассказов из двенадцати делают это предположение более вероятным. Ученый также отмечает, что рассказы написаны на бумаге различного качества — первые восемь «написаны на одинаковой бумаге, одинаковыми чернилами, одинаковым большим, четким, разборчивым почерком», а остальные четыре «писаны <...> наскоро, мелким почерком, на другой бумаге (первые восемь на парижской розовой, а эти уже на серой русской, фабрики Аристархова)» [Доманицкий 1908а: 10].

Сравнив количество правок, сделанных редактором в разных рассказах, Доманицкий предположил, что рассказы «Викуп», «Знай, ляше!», «Свекруха», «Чумак», «Одарка», «Максим Гримач», «Сон» и «Чари» после первичной правки Кулиша были переписаны и дальнейшее редактирование осуществлялось уже по списку. Последние же четыре рассказа не переписывались, а просто в автографе Кулиш отредактировал их «к печати и отдал в типографию набирать, через это мы и видим там приписки карандашом: “*Signat.2 / Sert.25*”, “набирать до сих пор”, фамилии наборщиков: Куртнер, Усачев, приказ Кулиша: “смотрите же: в зеленóчку” (который, правда, не помог ничего,

потому что набрали все-таки “в зелепочку”) и другое» [Доманицький 1908а: 10–11].

Новый этап в изучении творчества Марко Вовчок начался в 1920-е гг. Примечательно, что на этом этапе одновременно исследования проводились как в Советской Украине, так и за ее пределами. Оба исследования были связаны с подготовкой изданий произведений писательницы. В эмиграции издание готовил писатель Богдан Лепкий. В его распоряжении было много материалов о жизни и творчестве Марко Вовчок, собранных Василием Доманицким для планировавшейся им монографии о писательнице. Выезжая в 1910 г. на лечение во Францию, Доманицкий оставил их у Лепкого на хранение. Среди этих материалов были копии писем писательницы, воспоминания, автограф рассказов 1857 г., обнаруженный ранее в ее архиве Доманицким. В 1926 г. вышло трехтомное издание произведений Марко Вовчок, составленное Лепким. В первом томе составитель представил пространную биографию писательницы, написанную на основании имевшихся у него материалов, а также ее переписку и воспоминания о ней. Рассматривая историю появления первого издания, Лепкий приводит также подробное описание имеющейся у него рукописи. Позже это дало основания исследователям утверждать, что у него был именно автограф. После смерти писателя в 1941 г. автограф был утрачен.

Результат исследования Лепкого довольно неожиданный. Хотя ученый имел в своем распоряжении те же материалы, что и Доманицкий, он пришел к иным выводам, чем его предшественник. Ученый сразу отвергает проставленные под рассказами даты переписывания как такие, которые ничего не дают для изучения, а лишь усложняют его [Лепкий 1926: СЛ]. Затем он приводит множество доводов, опровергая слова Доманицкого о том, какие рассказы были отправлены первыми. Так, в статье «Марія Олександрівна Маркович — авторка “Народніх оповідань”» Доманицкий действительно ошибочно указал, что первыми рассказами были «Сестра» и «Знай

ляше!». Лепкий уделяет немало места отрицательной аргументации и почему-то не замечает, что на этой же странице несколькими строчками выше Доманицкий написал, что первыми двумя рассказами были «Викуп» и «Знай, ляше!» [Доманицький 1908б: 67], как и в другой своей статье «Авторство Марка Вовчка». Наконец Лепкий утверждает, что вторая группа рассказов («Сестра», «Козацька кров» («Данило Гурч»), «Козачка», «Панська воля»), написанная на бумаге фабрики Аристархова, в действительности старше, а не наоборот, как считал Доманицкий (первая написана на парижской бумаге). В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит аргумент, что по сравнению с остальными произведениями в рассказах второй группы больше правок:

В подтверждение догадки, что вторая группа старше, привожу еще и такую важную вещь, как правки Кулиша. В «Сестре» их много, а в «Выкупе» почти нет. Думаю, что Марковичева чем дальше, тем искуснее писала, так что Кулишу и не было чего исправлять [Лепкий 1926: CL].

На основании таких довольно путанных и противоречивых утверждений Лепкий в итоге приходит к выводу, что «зимой, позже всего весной 1857 года Марковичева, а может, ее муж, послали Кулишу все 12 рассказов, в двух или в трех посылках, не известно, Кулиш подал в цензуру, приготовил к печати, и Марковичева посетила его уже как крестного отца своего первого литературного ребенка» [Лепкий 1926: CLIV].

Главным исследователем творчества Марко Вовчок в Советской Украине был киевский литературовед Александр Дорошкевич. Дорошкевич имел доступ к архиву Марко Вовчок, хранящемуся в Пушкинском Доме. Начав работу по подготовке издания произведений писательницы и исследования о ней, ученый в ходе сбора материалов наладил контакт с ее вторым мужем Михаилом Демьяновичем Лобачем-Жученко и невесткой Евгенией Петровной Маркович. Результатом его работы стала биография писательницы, на-

печатанная в последнем томе четырехтомника произведений Марко Вовчок, которая вместе с научным комментарием занимает большую часть тома, и докторская диссертация «Украинская проза Марко Вовчок». Исследование Дорошкевича отличается от трудов его предшественников еще и тем, что он впервые ввел в научный оборот немало новых материалов из архива писательницы, в частности, неизвестный прежде список рассказов, существование которого предполагал еще Доманицкий. Список подготовил по заказу Кулиша управляющий его типографии Даниил Каменецкий. Этот список Кулиш также правил, после чего рукопись была передана в Московский цензурный комитет. 7 августа 1857 г. цензор Николай фон Крузе дал разрешение на печать. Цензурный экземпляр ценен тем, что позволяет нам с уверенностью констатировать факт отсутствия каких-либо вмешательств в текст со стороны цензуры. Как отмечалось выше, в своем исследовании о Марко Вовчок Доманицкий предполагал существование некой промежуточной рукописи, с которой были набраны первые восемь рассказов. По мнению Дорошкевича, все было несколько иначе, и он выстраивает свою собственную гипотезу.

Теория Дорошкевича намного сложнее, в ней присутствует борьба автора с редактором. По мнению исследователя, после того как Кулиш отредактировал текст рассказов в автографе, он вернул его автору. Большинство предложенных Кулишом изменений были приняты, но во многих случаях автор вернула свою предыдущую редакцию. Эту гипотезу исследователь впервые высказал в комментарии к первому тому сочинений писательницы, вышедшего под его редакцией:

Мы имеем основания полагать, что автор боролся с Кулишом, будто отстаивая свое мнение против его диктатуры; конечно, в конце концов автор приняла многие из его полезных замечаний. <...> Замечания Кулиша большей частью приобретали для нее значение определенной необходимости, своего рода безапелляционного ультиматума [Вовчок 1926: 314].

Эту же мысль, но уже с временной конкретизацией, Дорошкевич повторяет и в примечаниях к подготовленному им изданию переписки Пантелеймона Кулиша с Александрой Милорадович. Так, упоминание о Марко Вовчок в письме Кулиша от 3 мая 1857 г. («Одна дама родилась в Московии и уже замужем начала учиться по-нашему. Что же? недавно написала четыре маленьких рассказа с речей крестьянок») Дорошкевич объясняет следующим образом: «3 мая четыре рассказа уже были у Кулиша, потом их переделывала автор и переписывал Д. Каменецкий, трижды “редактировал” Кулиш и уже в конце 1857 г. они появились на свет» [Дорошкевич 1927: 67, 113].

В изданной годом позже биографии Марко Вовчок исследователь уже четко формулирует свою гипотезу:

3 мая, как видим, у Кулиша было уже четыре рассказа, а вскоре, не позже июня, готовы были все двенадцать. <...> В июле “Рассказы” были переписаны в Немирове, причем со многими композиционными и стилистическими изменениями Кулиша автор не согласилась, и теперь рассказы имели сырой вид — без заглавий, без разделов. Впоследствии эту рукопись переписал Д. Каменецкий, восстановив первоначальный текст, с согласия автора или нет — неизвестно, его снова отредактировал Кулиш, и только тогда рассказы пошли в типографию [Дорошкевич 1928: 71–72].

Этой же позиции Дорошкевич придерживался и через полтора десятилетия в своей докторской диссертации «Украинская проза Марко Вовчок»:

Можно считать, что текст А с правками Кулиша перешел снова к автору, которая с большинством поправок Кулиша согласилась, авторизовала их, но во многих случаях она возобновила свою предыдущую редакцию.

И далее:

Автор (или ее поверенный) отнеслась к редакционным изменениям Кулиша вполне сознательно, вполне активно и отбросила их там, где они противоречили стилевым принципам сборника или нарушали ее языковую (с правобережными влияниями) структуру) [цит. по: Нахлік 2007: 119–120].

Николай Сиваченко, еще один исследователь творчества Марко Вовчок, отвергает эту теорию Дорошкевича как противоречащую фактам: «На каких фактах основано это утверждение? Ведь ни В. Доманицкий, ни Б. Лепкий, которые располагали автографом, нигде ничего не говорят о том, чтоб на нем были следы повторного авторского просмотра» [Сиваченко 1974: 120]. Интересно, что этой теории, хоть она и была опровергнута, почему-то долго придерживались отдельные исследователи. Так, автор «Летописи жизни и творчества Марко Вовчок» Борис Лобач-Жученко пишет: «*Апреля 15*. Дата Марко Вовчок на переписанном ею после редактирования Кулиша рассказе “Одарка”, подготовленном для отправки в Петербург» [Лобач-Жученко 1983: 28]. При этом Лобач-Жученко ссылается на труд Доманицкого «Авторство Марка Вовчка». Скорее всего, автор сделал это ошибочно, ведь Доманицкий никогда даже не предполагал, что после своего редактирования Кулиш возвращал тексты автору. Современный исследователь жизни и творчества Пантелеймона Кулиша Евгений Нахлик, также придерживается именно этой версии [Нахлік 2007: 328].

Рассмотрев все предыдущие версии подготовки первого издания «Народных рассказов», а также сохранившиеся рукописи, мы пришли к выводу, что история издания была несколько иной.

В рассказе «Сестра», в отличие от остальных рассказов в списке Каменецкого, почти не было сделано изменений. На первом листе всего лишь несколько правок, например, отсутствующий в автографе эпиграф: «Кому Бог поможе, // Той усе переможе. // *Пословиця*», — Кулиш зачеркнул. Следует отметить, что заглавие произведения и эпиграф к рассказу вписаны в списке рукой Пантелеймона Кулиша. Во втором предложении: «Тільки міні наче снить привиджується, що хитавъ мене хтось у колиці, и співавъ надо мною, тихесенько», — Кулиш зачеркнул слово «привиджується» и изменил окончание глагола «снить» на «снится» [Вовчок 1857а: 35]. Так это предложение

звучит и сегодня. В начале второго предложения Кулиш зачеркнул слово «маму» перед глаголом «поховали», а после него вставил существительное «паніматку» [Вовчок 1857а: 35].

На остальных листах рассказа правок Кулиша нет. Все исправления в последующем тексте произведения сделал переписчик Даниил Каменецкий. Он исправлял свои автоматические ошибки, которые допустил переписывая отредактированный Кулишом оригинал.

Бросается в глаза тот факт, что, в отличие от других рассказов первого тома, в «Сестре» не только нет правок: за исключением двух указанных (добавленный Кулишом эпиграф, который он сам и отклонил, в расчет не берем), листы этого произведения чистые. На полях всех рассказов в списке Каменецкого остались отпечатки пальцев наборщиков. Конечно, ничего удивительного в этом нет, ведь именно этот список побывал в цензуре, а после получения разрешения на печать был расшит, и с него работники типографии Кулиша набирали текст рассказов. Как подтверждение этого в тексте встречаются написанные простым карандашом фамилии наборщиков, другие технические обозначения, так сказать, «следы» типографического процесса.

На основании вышеизложенных наблюдений можно предположить, что редактор и издатель «Народных рассказов» Пантелеймон Кулиш, подав список, сделанный Даниилом Каменецким, в Московский цензурный комитет, одновременно приказал начать набор рассказов «Сестра» и «Казачка», не дожидаясь официального разрешения, а лишь полагаясь на либерализм цензора фон Крузе. Таким образом, на момент получения разрешения, то есть по состоянию на 7 августа 1857 г., рассказ «Сестра» уже находился в наборе. Поэтому неудивительно, что когда автор 27–28 августа посетила издателя на его хуторе Мотроновка, она видела гранки рассказа «Сестра». Имен-

но тогда Кулиш и вернул Марко Вовчок оригинальную рукопись сборника, которая сохранилась среди ее бумаг до момента, пока ее не извлек оттуда Доманицкий.

В одном из писем к мужу Афанасию Марковичу писательница рассказывает о своем пребывании в Борзне, Мотроновке. В частности, она упоминает о рукописи рассказов, и отмечает, что правок в тексте немного, и что один из рассказов вообще не включили в издание [Листи 1984: 33]. Некоторые исследователи считали, что Марко Вовчок видела список Каменецкого, когда встретила Кулишом во время поездки в Орел. Александр Дорошкевич [см.: Вовчок 1928: 316] предполагал даже, что в письме к мужу Марко Вовчок объясняла причину исключения рассказа «Чари» из книги ремаркой Кулиша на обложке списка Каменецкого: «“Чар” совсем не печатать: все из действительности, а эта из фантазии, бросает тень недоверия на все» [Вовчок 1857а: 1]. По нашему мнению, Марко Вовчок в то время не могла видеть у Кулиша список Каменецкого, который должен был находиться в типографии. После получения цензурного разрешения список Каменецкого был расшит и роздан наборщикам. После завершения набора рассказа «Сестра» Кулиш, уезжая к себе на хутор, вместе с гранками забрал и автограф и при первой встрече вернул рукопись автору. О судьбе рассказа «Чари» и о причинах своего решения Кулиш, скорее всего, сам сообщил Марко Вовчок. Возможно, это было во время упомянутой им позже первой встречи, когда он рассказывал начинающей писательнице «о гармонии крупных и мелких частей между собою» [Листи 1979: 88].

Кулиш отредактировал рассказы в автографе и отдал их управляющему своей типографии Даниилу Каменецкому. Получив готовый список, Кулиш повторно его отредактировал. Намереваясь как можно скорее издать «Народные рассказы», Кулиш переносит в автограф две правки, сделанные им списке рассказа, а также меняет предыдущий рабочий вариант заглавия «Тітка» на окончательный

«Сестра». Предположительно, заглавия к рассказам, проставленные Кулишом в автографе, как и эпитафии к ним, были рабочими, поэтому при копировании Каменецкий не переносил их в список (заглавия произведений как в списке, так и в автографе вписаны рукой Кулиша). Это подтверждает тот факт, что рабочее название в автографе рассказа «Козацька кров» было заменено на «Данило Гурч» в списке. Рассказ «Чари» вообще остался в автографе без заглавия и получил его уже в списке Каменецкого (именно под этим названием он фигурирует в окончательной последовательности рассказов в издании и в приписке Кулиша). При этом в рассказе был эпитафия, который отсутствует в публикации этого произведения в альманахе «Хата». Первый в автографе рассказ «Викуп» также имел сперва другое заглавие, замененное еще в автографе [Вовчок 1857б: 1]. Сначала Кулиш даже придумал подзаголовки двум первым рассказам, но потом отверг их в автографе.

Все сказанное не более как гипотеза, но в отличие от предположений предыдущих исследователей, она не противоречит фактам. Доманицкий ошибался, когда писал, что восемь рассказов были переписаны для печати, а набор последних четырех осуществлялся непосредственно с автографа. На самом деле переписаны были все двенадцать, но набор только одного рассказа «Сестра» (и, возможно, частично «Казачки») действительно осуществлялся с автографа. Исследователи, имевшие в своем распоряжении список Каменецкого и считавшие его единственным источником печати, сознательно или нет пренебрегли тем местом труда Доманицкого, где он говорит о наличии фамилий наборщиков в рукописи.

Таким образом, на основании вышеизложенных доводов мы утверждаем, что у «Народних рассказов» (1857) был не один, а два источника печати, а сама подготовка издания в типографии началась еще до получения цензурного разрешения на печать.

СОКРАЩЕННЯ

Вовчок 1857а — *Вовчок Марко*. Народні оповідання. Список 1857 р. // Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Ф. VII, Од. зб. 69, 60 арк.

Вовчок 1857б — *Вовчок Марко*. Викуп. Фотокопія автографа 1857 р. // Бібліотека Наукового товариства імені Шевченка в Нью-Йорку. 21 арк.

Вовчок 1928 — *Вовчок Марко*. Твори / За ред. і з критично-біографічною розвідкою Ол. Дорошкевича. Т. I. К.; Х., 1928.

Доманицький 1908а — *Доманицький Василь*. Авторство Марка Вовчка. Львів, 1908.

Доманицький 1908б — *Доманицький Василь*. Марія Олександрівна Маркович — авторка «Народніх Оповідань» // Літературно-науковий вістник. 1908. Т. XLI. Кн. I (січень).

Дорошкевич 1927 — *Дорошкевич Олександр*. Куліш і Милорадовичівна. Листи. К., 1927.

Дорошкевич 1928 — *Дорошкевич Олександр*. Марко Вовчок. Біографічна розвідка // Вовчок, Марко. Твори / Упор. Ол. Дорошкевич. Т. IV. К.; Х., 1928.

Лепкий 1926 — *Лепкий Богдан*. Марко Вовчок. (Біографічний нарис) // Вовчок, Марко. Твори / Упор. Богдан Лепкий. Т. I: Життєпис і життєписні матеріали. К.; Ляйпціг, 1926.

Листи 1979 — Листи до Марка Вовчка: У 2 т. Т. I. К., 1979.

Листи 1984 — Листи Марка Вовчка: У 2 т. Т. I. К., 1984.

Лобач-Жученко 1983 — *Лобач-Жученко Борис*. Літопис життя і творчості Марка Вовчка. К., 1983.

Нахлік 2007 — *Нахлік Євген*. Пантелеймон Куліш: особистість, письменник, мислитель: Наукова монографія: У 2 т. Т. 2. К., 2007.

Сиваченко 1974 — *Сиваченко Микола*. Текстологічний аналіз «Народніх оповідань» Марка Вовчка // Сиваченко М. Літературознавчі та фольклористичні розвідки. К., 1974.